

вописи, где два чистых цвета, положенные рядом, на определенном расстоянии дают колеблющееся ощущение третьего³.

Следовательно, *достоевский* можно понять как сопряжение *Достоевский* и *письмо* (в значении «стиль», «литературная манера», «словесно-образная форма»), где понятие «писать» заменено именем писателя⁴.

Соответственно *пушкиноты* — как сопряжение *Пушкин* и *красоты* (также в значении «словесно-образная форма»), где понятие «красота» заменено именем «творца красоты», именем поэта, «художника»⁵.

Но буквальным прочтением текста мы, очевидно, не можем ограничиться. Как его следует понимать?

Вправе ли мы толковать это стихотворение как импрессионистически-метафорический «пейзаж русской литературы»⁶, скажем, в традиции бодлеровских «Маяков», продолженной в русской поэзии символистами?

Основания для этого как будто бы легко найти и в творчестве Достоевского, Пушкина, Тютчева, и в поэтической рецепции их «сумеречности», «солнечности» и «звездности». Так (возьмем ближайшие и несомненно известные Хлебникову примеры), Вячеслав Иванов неоднократно говорил о «тусклых сумерках» мира Достоевского, о том, что «...он такой тяжелый подземный художник, и так редко видимо бывает в его творениях светлое лицо земли, ясное солнце над широкими полями, и только вечные звезды глянут порой через отверстия сводов...»⁷. Так, Блок писал о «великой триаде» русской литературы, где «Достоевский, как падающая звезда, пролетает в летучих туманах Гоголя и Лермонтова», и о «ночной» душе русской поэзии — Тютчева⁸. И наконец, наиболее близкий Хлебникову Андрей Белый: «Развитие русской поэзии от Пушкина до наших дней сопровождается тройкой переменой ее первоначального облика. Три покрова срываются с лица русской музыки...»

Проникновенное небо русской природы, начертанное Пушкиным, покрывается серыми облаками у Некрасова. Исчезают глубокие корни, связывающие природу Пушкина с хаотическим круговоротом: в сером небе Некрасова нет ни ужасов, ни восторгов, ни бездн, — одна тоскливая грусть; но зато хаос русской действительности, скрывавшийся у Пушкина под благопристойной шутилой внешностью, у Некрасова обнаружен отчетливо.

³ См. Хлебников В. Велимир. Неизданные произведения. М., 1940 (далее: НП), с. 284. См. также с. 453, где приведено пояснение Хлебникова: «Художественный прием» давать понятию, заключенному в одном корне, очертание слова другого корня. Чем primero дается образ, лик второго».

⁴ Ср. аналогичные образования в ранних произведениях Хлебникова «резьмо», «тисьмо», «звучмо», «голубьмо», «ваймо», «леньмо», «грязьмо», «читьмо», «баймо» (СП, IV, 15, 18, 31—33), «бывьмо» (НП, 66).

⁵ Здесь очевидна ориентация на топ «пушкинская красота», в другом месте использованный Хлебниковым в полемически-ироническом виде: «пушкинианская красота». Ср. в статье Гоголя «Несколько слов о Пушкине»: «В нем русская природа, русская душа, русская язык, русской характер отразились в такой же чистоте, в такой же о ч и щ е н н о й к р а с о т е, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» (Полное собр. соч. Л., 1952, т. VIII, с. 50. Разрядка моя. — Р. Д.)

⁶ См. предисловие Н. Л. Степанова в кн.: Хлебников В. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия, Л., 1940, с. XXVIII—XXIX.

⁷ И в а н о в В. Борозды и межи. М., 1916, с. 9. См. также с. 17, 31.

⁸ Б л о к А л е к с а н д р. Собр. соч. в 8 томах. М. — Л., 1960—1963, т. V, с. 76—80 (там же творчество З. Гишпиус и Ф. Сологуба — как пейзаж) и с. 25, 26. Ср. в статье Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева»: «... в тихую осеннюю ночь стоял я в темном переходе Колизея и смотрел в одно из оконных отверстий на звездное небо. Крупные звезды пристально и лучезарно глядели мне в глаза, и по мере того как я всматривался в тонкую синеву, другие звезды выступали передо мною и глядели на меня так же таинственно и так же красноречиво, как и первые. За ними мерцали в глубине еще тончайшие блестики и мало-помалу всплывали в свою очередь. Ограниченные темными массами стен, глаза мои видели только небольшую часть неба, но я чувствовал, что оно необъятно и что нет конца его красоте. С подобными же ощущениями раскрываю стихотворения Ф. Тютчева» (цит. по кн.: П и г а р е в К. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962, с. 266).